

Варлаам же и его последователи, согласно словам Паламы, учили, что «благодать, общая отцу, сыну и духу, и свет будущего века, благодаря которому праведники засияют как солнце — что и Христос, просияв на горе (Фавор), предрекал — и вообще вся сила и энергия трехипостасной божественности есть нечто совершенно отличное от божественной природы и созданное...»³⁴

Варлаам (а вслед за ним и «варлаамиты») недаром напал главным образом на это понятие несотворенной энергии. В самом деле, если его убрать, остается двучленная система: бог и мир, как в католицизме. Для полного уподобления западной схоластике оставалось бы лишь взамен недостающего посредствующего звена (энергии) ввести постулат тождественности порядка категорий мышления и миропорядка... Разница, казалось бы, в неуловимых нюансах, но она отражала существенное различие средневековых культур: в одной (западноевропейской) — резкое противопоставление идеально-духовного материальному, неба — земле; в другой (византийской) — взаимопроникнутость одного другим: конечного, смертного — бессмертным и бесконечным.

Любопытный результат получится также, если в этой трехчленной системе затенить первый член, понятие трансцендентной божественной сущности. Остается конечный мир, пронизанный бесконечной энергией. Если при этом сохраняется «божественность» в мистическом смысле, то получается пантеизм, если же «божественность» понимается только как бесконечность во времени и пространстве, то — первое приближение к материализму.

В этой византийской системе мысли можно, делая разные акценты, различить зародыши многих других систем; здесь встречаются и схоластические и гуманистические элементы, крайняя мистика и поразительные трезвые материалистические суждения. Точно так же в одной иконе могут сочетаться предельная стилизация, огромная одухотворенность и удивительный реализм.

С гуманизмом исихазм неожиданно роднит одна черта: как тот, так и другой величайшее значение придают процессу здешней, земной, а не загробной жизни.³⁵ Относительно исихазма это коротко может быть выражено следующим образом: если не спасешься сам, не спасет и бог. Но зато тот, кто спасается, может бога узреть «не только в будущем, как кто-нибудь мог бы подумать, но даже в настоящее время...»³⁶

Нисского (PG, т. 45, 248 и дальше, особенно 960 С, D), Григория Богослова (PG, т. 36, 48 С), Дионисия Ареопагита (PG, т. 3, 585 и дальше, особенно 645 А) и Максима Исповедника (PG, т. 90, 1084 В, С). На л. 89 только что цитированной нами рукописи подобный же перечень насчитывает двадцать шесть имен. Это: пророк Соломон, пророк Исайя, апостолы Павел, Иоанн, Лука, затем Дионисий Ареопагит, Афанасий Александрийский, Григорий Богослов, св. Василий, Григорий Нисский, Иоанн Златоуст, св. Кирилл, Анастасий Великий, св. Максим, Юстин Мученик и Философ, Иоанн Дамаскин, Митрофан Поэт (ὁ Ποιητής), Косьма Поэт, Анастасий Синайский (ὁ τοῦ Σινᾶ ὄρος), Феодор Граптос (ὁ Γραπτὸς), Афанасий Антиохийский, Василий Селевкийский, Андрей Критский, Ефрем Сирий, Симеон Метафраст, св. Августин. Помимо Евангелия, здесь упомянуты также решения пятого и шестого (вселенских) соборов.

³⁴ PG, т. 151, 768 = ГПБ, греческая рукопись № 533, л. 178 об., строки 22—25, л. 179, строки 1—3.

³⁵ Эта черта позволила Мейендорфу говорить об экзистенциальном характере богословия Паламы, см.: J. Me y e n d o r f f. Introduction, стр. 279—310.

³⁶ Житие и деяния Саввы Нового, на Афонской горе подвизавшегося, константинопольского патриарха кир Филофея. Перевод с греческого с введением и примечаниями П. Радченко, М., 1915, стр. 74. (Далее: Житие Саввы Нового); греческий